

Фан Шу подумал, что сам себе выкопал яму, упомянув брата.

Староста деревни и Цзян Миньчжэн первыми вошли в обветшалый двор с соломенной крышей, откуда доносились приглушённые рыдания. Ещё не зайдя в дом, Фан Шу услышал слегка грубоватый женский голос:

— Господин... ещё не время... зачем вы пришли?

Голос прерывался всхлипываниями.

Староста не успел ничего сказать, как женщина в траурном венке из пеньки заметила троих чужаков в странной одежде. С красными от слёз глазами она опустила голову. Рядом с ней стоял юноша, ещё не достигший совершеннолетия, в траурной шапке из пеньки. Их черты лица были очень схожи, словно они были близнецами. Оба были хороши собой, но кожа их была желтоватой, а волосы сухими и ломкими — явные признаки недостатка питания.

Внутри дома на доске, покрытой белой тканью, лежали два тела, без гробов, головы были обращены к выходу.

Е Цзинчжоу сказал:

— Тела должны быть обращены головой на запад.

Горы были окутаны белым туманом. Хотя было светло, солнца не было видно, и определить направление было невозможно.

Только после слов Е Цзинчжоу стало понятно, где запад.

Брат и сестра спрятались за старостой.

— Они никогда не видели чужаков и только что потеряли родителей, поэтому боятся, — пояснил староста.

Фан Шу улыбнулся брату и сестре. Ему повезло с внешностью: хотя на лице и был шрам, он не портил облик, а, напротив, добавлял мужественности. Улыбка его была поистине чарующей.

Сестра тоже перестала бояться и ответила Фан Шу поклоном.

В зале стояли дикие фрукты, названия которых Фан Шу не знал. Он трижды поклонился перед телами.

Е Цзинчжоу последовал его примеру.

Хо Тайлин стоял в стороне, неподвижно. Эти мёртвые тела не вызывали у него никаких эмоций, и он не собирался притворяться, что скорбит.

Появление чужаков в деревне было важным событием, и староста решил устроить для всех вечер у костра — такое обычно проводили только во время праздников.

Фан Шу долго отказывался, но староста настаивал. Не в силах противостоять гостеприимству, Фан Шу привёл пятьдесят воинов на это мероприятие.

На большой поляне у ручья жители деревни и воины расселись вокруг большого костра.

Цзян Миньчжэн хотел сесть рядом с Фан Шу, но Хо Тайлин оттеснил его. Фан Шу, увидев это, кивнул Цзян Миньчжэну с извиняющейся улыбкой, а затем сердито спросил Хо Тайлина:

— Что ты делаешь? Хочешь всех обидеть?

Хо Тайлин был немного обижен, и в его душе разгорелся гнев:

— Ты что, совсем дурак? Не дай себя обмануть!

Фан Шу повернулся к пожилой женщине из деревни и завёл с ней разговор, что чуть не вывело Хо Тайлина из себя. Тогда тот просто начал пить вино с женщиной рядом. Фан Шу беспокоился, что японские захватчики могут внезапно напасть, поэтому перед началом вечера он предупредил своих воинов и не терял бдительности.

Староста зарезал двух своих овец и поставил их на вертел. Каждая семья принесла своё домашнее вино, закуски и соленья.

Большинство жителей деревни были женщинами, и они очень тепло относились к воинам.

Фан Шу был очень любезен с женщинами:

— Здесь так весело!

Рядом несколько пожилых мужчин и женщин начали танцевать, создавая действительно праздничную атмосферу.

Пожилая женщина, видя, как молодой и красивый мужчина улыбается ей, была очень довольна и рассказала о местных обычаях. К сожалению, у неё было мало зубов, и её речь была неразборчивой, так что Фан Шу понял лишь общий смысл, а остальное додумывал сам.

Оказалось, что местные праздники сильно отличались от тех, что празднуют за пределами деревни. Здесь не было ни Нового года, ни Праздника фонарей, ни даже семейных праздников

вроде Дня возвращения. В начале весны здесь отмечали трёхдневный Праздник встречи божества, а осенью — трёхдневный Праздник проводов божества, во время которых все танцевали и пели у реки. Зимой же был однодневный Праздник жертвоприношения, но, как она вздохнула, в этом году его не было.

Сегодня Фан Шу уже дважды слышал о жертвоприношении, и он хотел спросить женщину, что это за праздник, но она начала уклоняться от ответа.

Эти праздники — Праздник встречи божества и Праздник проводов божества — были установлены старостой, который говорил, что только уважая богов, можно получить хороший урожай и жить в достатке.

Внезапно женщина спросила:

— А за пределами деревни много ли демонов?

Фан Шу удивился и хотел ответить, но его прервал Цзян Миньчжун, стоявший за женщиной:

— Бабушка Пяо, о чём ты болтаешь? Иди принеси немного сладкого картофеля, чтобы поджарить.

Цзян Миньчжун улыбался, но его улыбка была неприятной. Бабушка Пяо поспешно встала, поклонилась ему несколько раз и, сгорбившись, ушла.

Цзян Миньчжун взглянул на Фан Шу, который лишь улыбался в ответ, но не обратил на это внимания и ушёл.

Хо Тайлин пил вино «Цюйэрю» и, выпив, обнял женщину рядом. Та, слегка полноватая, но с чистой кожей и большими круглыми глазами, выглядела очень мило. Она не противилась его близости, а, напротив, словно сама шла навстречу.

Фан Шу оттащил Хо Тайлина:

— Пей поменьше! На что ты похож?!

Неизвестно, сколько Хо Тайлин выпил, но он вырвался из рук Фан Шу, его лицо покраснело, и он был явно пьян:

— Занимайся своими делами!

Затем он положил руку на плечо женщины, что выглядело очень вызывающе. Прежде чем Фан Шу успел снова вмешаться, Цзян Миньчжэн принёс большой глиняный кувшин и поставил его у костра. Жители деревни оживились.

— Это деревенское укрепляющее вино, специально для храбрецов! — объявил староста.

Женщины тоже пришли в восторг.

Однако воины не понимали, что он говорит, и не могли понять, почему жители деревни вдруг так оживились. Рядом с Е Цзинчжоу была та самая женщина, которая вышла из комнаты Цзян Миньчжуна днём. Её звали Пяо Чжо-эр, она была внучкой бабушки Пяо, и они жили вдвоём.

Е Цзинчжоу сидел рядом с Фан Шу и спросил:

— Что говорит этот старик?

— Говорит, что в кувшине укрепляющее вино... Кстати, где Эрлян?

— Только что пошёл в уборную... Местные женщины... Они даже более любвеобильны, чем проститутки... Странно!

Фан Шу вздохнул, взглянул на Хо Тайлина и женщину в его объятиях:

— Возможно, здесь такие нравы. Но пусть наши ребята не теряют голову, чтобы не наделать глупостей!

Е Цзинчжоу кивнул:

— Не волнуйся, я не пью и буду следить за остальными.

— И присмотри за Эрляном.

— Не переживай! Он женщин боится, как змей... Сейчас, наверное, сидит в уборной и не выходит...

Настроение у Фан Шу было подавленным.

Цзян Миньчжэн первым налил вино Хо Тайлину и, глядя на женщину в его объятиях, сказал:

— Сегодня вечером наслаждайся по полной!

Это понимали только жители деревни и Фан Шу.

К удивлению Фан Шу, они начали радоваться... Даже в борделях такого не бывает, всё это было слишком странным...

Хо Тайлин оттолкнул его руку, и Цзян Миньчжэн застыл с кувшином в руке.

Хо Тайлин, пошатываясь, встал. Фан Шу подошёл, чтобы поддержать его, но он тоже оттолкнул его руку:

— Пойду освежусь!

И, покачиваясь, направился к уборной.

Цзян Миньчжэн, забыв о неловкости, налил вино каждому из воинов. Фан Шу посмотрел на красноватое вино в жёлто-коричневой керамической чаше. Аромат был слабым, а запах крови сильнее...

Он не мог заставить себя выпить, но Цзян Миньчжэн пристально смотрел на него. Чтобы доказать, что вино безопасно, он сам выпил две чаши. В такой ситуации Фан Шу не мог отказаться, не показавшись невежливым, и, сделав два глотка, выпил всё. К счастью, вино не было крепким, но было какое-то странное послевкусие.

Эрлян внезапно прибежал, бледный, с каплями пота на лбу. Фан Шу, увидев его состояние, поднялся и отвёл его в более укромный уголок.

Эрлян выглядел растерянным и не знал, как объяснить:

— Просто... ох... он... он увидел!

Фан Шу успокоил его, но сам был напуган.

— Говори медленно!

Эрлян глубоко вздохнул и показал на свежие следы от пальцев на своей шее. Фан Шу был шокирован: тех, кто мог бы справиться с Эрляном, было очень мало.

— Кто это сделал?! Что случилось?!

Неужели в деревне скрывался мастер?

Ответ Эрляна оказался неожиданным.

— Хо Тайлин!

— ?!

Эрлян был напуган:

— Я был в уборной, дверь сломалась... он увидел... узнал.

— Это... ничего! Не переживай, даже если он увидел, он ничего не поймёт! — Фан Шу попытался успокоить себя.